

УДК 821.161.1-312.9
ББК Ш33(2Рос=Рус)64-444,513

Т. И. Хоруженко
Екатеринбург, Россия

ДИАЛОГ С ЗАПАДОМ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ В РУССКОМ ФЭНТЕЗИ

Аннотация. В статье рассматривается трансформация образа эльфа — одного из самых популярных персонажей жанра — в русском и европейском фэнтези. Выявляется стереотипное описание персонажа в западных текстах и его трансформация на русской почве. Проводится сопоставление эльфов, как представителей «чужих» с людьми и делается вывод о том, что отличительной чертой русского фэнтези является перенос акцента в дихотомии «свой-чужой». Также в статье делается акцент на трансформации отношения к «чужим» в русском фэнтези. Подчеркивается, что русское фэнтези отказывается от иерархического построения персонажного ряда.

Ключевые слова: персонажи, жанр, образ «чужого», антропоцентризм, фэнтези.

T. I. Horuzhenko
Yekaterinburg, Russia

THE DIALOGUE WITH THE WEST: TRANSFORMATION OF EUROPEAN CHARACTERS IN RUSSIAN FANTASY

Abstract. The article touches upon a problem of the elves as the most popular fantasy characters in Russian and European fantasy. In the article the most typical way of depicting non-human characters is shown. The author comes to the conclusion that the main difference between Russian and European fantasy is connected with the attitude towards non-human characters. European authors mainly pay attention to the elves. Russian writers on the contrary depict humans as the main creatures of the world. Also the author points out that Russian fantasy texts show elves in a comic way.

Keywords: literary characters, genre, character of «the other», anthropocentrism, fantasy.

Жанр фэнтези бытует в российской массовой литературе больше двадцати лет. Первые образцы отечественного «извода» фэнтези появились на прилавках книжных магазинов в начале 1990-х годов. При этом фэнтези, пришедшее в отечественную литературу как калька с аналогичного западного жанра, на русской почве несколько модифицировалось.

В частности, были переосмыслены наиболее знаковые персонажи англоязычных фэнтези — эльфы. В то же время многочисленные гномы, тролли, орки и прочие персонажи авторской мифологии и фольклора Британских островов не подверглись серьезной трансформации.

Эльфы — одни из самых распространенных персонажей мира фэнтези. Почти каждое произведение, относимое к данному жанру, прямо или косвенно повествует о судьбе этого народа. В западном фэнтези можно выделить две традиции изображения этого типа персонажей: с одной стороны — великие, прекрасные и отважные рыцари (например, в произведениях Дж. Р. Р. Толкина «Сильмариллион» и «Властелин Колец», А. Сапковского «Ведьмак»); с другой — веселые, шаловливые, игривые и жестокие (в «Хоббит, или Туда и обратно» Дж. Р. Р. Толкина, в текстах Т. Пратчетта). На русской почве образ эльфов не получил столь широкого распространения, как в западных произведениях, хотя в отечественном фэнтези присутствуют оба вышеназванных типа.

Основателем традиции изображать эльфов бессмертными является Дж. Р. Р. Толкин. В его романах смерть изначально была «Даром Свободы» Творца людям: «Одним из этих Даров Свободы является то, что люди лишь малое время живут живой жизнью, и не привязаны к Миру, а после смерти

уходят — куда, эльфам неведомо. Эльфы же остаются до конца дней, и потому их любовь к Земле и всему миру более ясна и горька — и с годами все горше. Ибо эльфы не умирают, пока жив мир, если не убиты или не истомлены скорбью (а они подвержены этим мнимым смертям)» [Толкин 2005: 37]. При дальнейшем развитии образа эльфов в фэнтези-произведениях их бессмертие превратилось в столь же необходимый атрибут, как лук и стрелы.

Отметим, что уже в «Сильмариллионе» Толкина задается онтологическое противопоставление между людьми и эльфами. Перворожденные лишены окончательной смерти, в отличие от людей. Данный факт в рамках произведения не осмысливается в ценностных категориях, однако, определяет поведение персонажей.

Исследователи сходятся во мнении в том, что слово «эльф» и сам образ прекрасного бессмертного рыцаря стали популярными после публикации Толкином его произведений.

Исследователь творчества Толкина Т. Шиппи уделяет особое внимание тому, что хотя эльфы — создания уникальные, объединяющие в себе черты различных мифологических существ (альфов, эльфов и девов), они в то же время не теряют своей мифологической сути [Shippey 2004: 1–14]. Так, исследователь отмечает, что эльфы Толкина не утрачивают амбивалентности восприятия, характерной для англосаксонских текстов. Автор сохраняет и уважение, и страх, внушаемые эльфами.

В дальнейшем образ эльфов в фэнтези несколько упростился за счет типизации. В западноевропейском фэнтези сложился своеобразный канон описания эльфов — как женщин, так и мужчин, который был заимствован и

отечественными авторами. Достаточно точно канон описания эльфа формулирует Д. Вайн Джонс в своем «The Tough Guide to Fantasyland»: «Эльфы выше и стройнее любого человека и необычайно красивы. Большинство из них выглядят молодыми... Большинство из них обладают длинными, пепельными волосами и огромными синими или зелеными глазами» [Jones 2006: 61; перевод мой — Т. Х.]. Также можно отметить, что достаточно часто описывается оружие, которым обладают эльфы: «Первый явно был эльфом — острые уши, изящные брови вразлет, стройное, но очень гибкое и сильное тело... За плечами у эльфа был большой лук и колчан со стрелами... с пояса свисал меч» [Паолини 2006: 7].

Отметим, что сам Толкин ограничивался при описании эльфов цветом волос и глаз своих героев. «Был он [Феанор] высок, прекрасен лицом и властен; взгляд пронзительно ясен, волосы — чернее воронова крыла» [Толкин 2005: 63]; «был он [Маэглин] высок, черноволос, с белой кожей и глазами темными...» [Толкин 2005: 146]. Однако подобные описания героев встречаются крайне редко. В рассказе о герое довлеет принадлежность его к определенному роду, его умения и цели. Следует отметить, что при описании эльфов преобладают цвета: черный, серый, серебряный, белый, зеленый, золотой. Они являются ключевыми в создании образа.

Следует отметить еще одну тенденцию, связанную с эльфами: в произведениях фэнтези чаще всего действуют эльфы из благородных и знатных родов. Именно они описываются в соответствии с приведенным выше стереотипом.

Западноевропейскую традицию описания эльфийских королей перенимает и отечественное фэнтези. Так, в цикле Н. Перумова «Хранитель мечей» королева Вечного леса выглядит двадцатилетней девушкой. «Время не властно над Перворожденными... Вейде носила в волосах — сами они были цвета молодой майской листвы — сверкающий алмазный венчик. Со стороны казалось, что камни ничем не скреплены и их поддерживает вместе какая-то магическая сила. Тонкие пальцы эльфийки покрывал странный узор, слегка похожий на татуировку — сложная вязь темно-зеленых волосных линий. Большие, миндалевидные глаза, обычные для расы Перворожденных...» [Перумов 2001: 92]. Отметим, что Перумов достаточно подробно описывает внешность эльфийки. Западные авторы, в частности, Толкин более лаконичны: «прекрасна, высока и сильна... была бледна, хоть и с темными волосами, и одевалась всегда в белое с серебром» [Толкин 2005: 59]. Важно подчеркнуть, что эльфы — единственные фэнтези-персонажи представляющие читателям «улучшенный» образ человека.

С эльфами связано несколько устойчивых мотивов. Одним из самых частотных в фэнтези является мотив любви божественной девы к смертному мужчине, характерный для скандинавского и германского эпоса, а также для ирландских легенд. Эльфийская дева, чаще всего

высокого рода, влюбляется в смертного мужчину и разделяет его судьбу. Примерами такой любви оказываются Берен и Люттиен из «Сильмариллиона» Дж. Р. Р. Толкина, Арагорн и Арвен из «Властелина колец». Отечественное фэнтези при заимствовании трансформировало этот североευропейский мотив: любовь смертного и бессмертной лишается идеальности.

В юмористическом фэнтези М. Успенского «Белый хрен в конопляном поле» крестьянский юноша Стремглав, который в последствии станет королем, женится на эльфийке Алатиэль. Любовь героев нельзя назвать идеальной — они расстаются после рождения тройняшек — однако умирают король и королева в один день: «И Алатиэль это поняла, и достала трехгранный кинжал, и последовала за своим супругом, как и должно поступать эльфийской королеве» [Успенский 2002: 371].

Обратная ситуация — любовь эльфийского принца Триона к смертной Лейне представлена в одноименном романе Е. Петровой. В этом произведении девушка не соглашается стать любовницей эльфийского принца, хотя тот готов даже жениться на ней.

Данная коллизия не характерна для фэнтези-романов в целом. Однако Е. Петрова не до конца нарушает традицию: ее героиня любит принца, но отказывается быть с ним в силу скверности своего характера: «Наверное, будь ты человеком или простым дроу, все сложилось бы иначе. Но я не смогу быть с тем, для кого политические игры всегда на первом месте... даже в любви» [Петрова 2013: 464].

Важно отметить, что в русскоязычном фэнтези люди размышляют над своей непохожестью на эльфов: «Беловолосый “юноша” обернулся, рассматривая меня древними, мудрыми глазами. Из васильковых озер на меня глянуло даже не Время — Безвременье... На мгновение стало страшно — пришло понимание того, насколько мы все-таки разные» [Петрова 2013: 444].

Также типичен как для русского, так и для западного фэнтези мотив заключения союза между людьми и эльфами против общего врага. Большинство произведений жанра фэнтези затрагивают тему войны, поэтому союзничество или вассальные отношения между эльфами и людьми вполне типичны. В отечественном фэнтези также есть ситуации, когда эльфы поступают в услужение к людям: «Некоторые, словив эльфийскую спесь и спрятав под длинными волосами остроконечные уши, нанимались к богатым господам в лесничество, и брали их туда охотно и без огласки, потому что нет надежнее лесного стража, чем эльф, знающий язык зверей и беспощадный к тем, кто осмеливается охотиться или рубить лес на хозяйских землях. Разवेशивая на дубах поймавших и замученных браконьеров и порубщиков, эльфы мстили, как уж могли, своим гонителям из рода человеческого» [Успенский 2002: 69].

Третьим мотивом, характерным в первую очередь для западноевропейского фэнтези, является неприятие ими друг друга или презрение. Так, Король Тингол (владыка одного из эльфийских коро-

левств) в «Сильмариллионе» Дж. Р. Р. Толкина отгораживается от всех, но преимущественно от смертных, волшебной завесой; во многих произведениях эльфы уходят в волшебную страну, куда запрещен доступ людям. Но своего апогея противостояние эльфов и людей достигает в первой книге из цикла «Ведьмак» у А. Сапковского: «вольные эльфы с Синих Гор не поддерживали контактов не только с самими людьми, но даже с живущими рядом с ними соплеменниками» [Сапковский 2004: 355]. Презрение к людям в данном произведении коррелирует с нежеланием жить и взаимодействовать с ними. Но, отказываясь от контактов с людьми, эльфы тем самым обрекают себя на вымирание.

Аналогичная ситуация представлена и в романе М. Успенского «Белый хрен в конопляном поле». Героиня Алатиэль предаёт людей. Влюбленный в нее герой объясняет ситуацию следующим образом: «Потому что она эльфийская принцесса, — невозможно ответил Стремглав. — И она мстит — не вам, не мне, а всему роду человеческому. Ведь она предала и Чизбург» [Успенский 2002: 121].

И для западноевропейского, и для отечественного фэнтези общим местом является описание исхода эльфов. Эльфы покидают мир на кораблях. «Хотя, конечно, не все эльфы в свое время сумели уплыть на Закат, в свое вечное изгнание, не выдержав многовекового состязания с людьми Агенориды, которые хоть и жили недолго, зато плодились будь здоров. Не всем хватило места на огромных черных кораблях под синими парусами. Не все успели достичь Гранитной Гавани вовремя. А опоздавших не ждали, поскольку эльфы не люди и понимают все не как люди» [Успенский 2002: 68].

Противостоит традиционному образу благородных эльфов манера изображать этих существ как веселых, но жестоких и бездушных, что достаточно близко к описаниям фейри в британском фольклоре.

Наиболее близкий к фольклорным источникам образ эльфов создал английский автор интеллектуального юмористического фэнтези Т. Пратчетт в своей книге «Дамы и Господа». Эльфы жестоки и капризны, но «эльфы — красивы. У них есть... *стиль*. Красота. Грациозность. А это очень важно...» [Пратчетт 2006: 192]. «Никто не сказал, что эльфы *хорошие*. Потому что на самом деле они *плохие*» [Пратчетт 2006: 198]. Отличительной особенностью эльфов в книгах Т. Пратчетта является их жестокость. «Они смеются над жестокостью, не понимают, что такое пощада. Не понимают, что у других, кроме них самих, могут быть чувства...» [Пратчетт 2006: 191].

Образ, созданный Т. Пратчеттом, выделяется из традиционного изображения эльфов в фэнтези, идущего еще от книг Дж. Р. Р. Толкина. Однако именно его эльфы наиболее близки к своим предкам Тильви Тэг (британские фейри). Отметим, что Пратчетт не только нарушает традицию изображения эльфов в фэнтези, но и изменяет их оценку. Эльфы в «Дамах и господах» — носители хаотического начала, им доставляет удовольствие калечить людей и разрушать вещи.

Другой, далеко отстоящий от первоначального

(как фольклорно-мифологического, так и фэнтезийного канона), вариант судьбы эльфов мы увидим в русском юмористическом фэнтези. В произведениях подобного рода именно эльфы создают атмосферу разгульной, часто развратной жизни. В последнее время в русскоязычном фэнтези намечается тенденция к изменению сексуальной ориентации эльфов. Сюжет взаимной / не взаимной любви юноши эльфа к другому юноше чрезвычайно популярен и часто служит для создания комического эффекта. Примером такой интерпретации образа может служить цикл романов Оксаны Панкеевой.

Шутки о нетрадиционных увлечениях эльфов содержатся и в других текстах юмористического фэнтези, например, в уже упоминавшейся «Лейне» Е. Петровой.

Можно отметить, что отечественное фэнтези, в первую очередь юмористическое, отказывается от иерархического построения общества. Для западной традиции характерна четкая иерархия «своих» и «чужих»: эльфы, гномы и люди, слуги Тьмы. В русских текстах подобного строгого деления нет. Отказ от иерархического строения является следствием игровой эстетики русского фэнтези. Отечественные авторы ломают иерархию, выводя на первый план человека, против которого бессильны все «чужие».

Говоря о трансформации образа эльфа в отечественном фэнтези, мы констатируем, что наблюдается преемственность в изображении высоких, благородных эльфов. Русскоязычные тексты сохраняют мотивы, связанные с образами этих существ — любовь к смертному, уход на запад.

В то же время персонажи отечественного фэнтези постоянно подчеркивают разность между эльфами и людьми. В «Ловцах удачи» А. Пехова эльф отмечает: «Люди считают, что эльфы не убивают друг друга, однако они глубоко заблуждаются. Мы только этим и занимаемся в бесконечных стычках и конфликтах между семьями высоких родов. По сути дела, в своей глупой кровожадности некоторые из нас ничуть не лучше орков» [Пехов 2012: 8–9]. При этом оказывается, что жизнь людей свободнее, чем у эльфов: «Я очень хотел вернуться назад, в Эллатейру, в просторные леса, которые полны ветра и солнца, но мой дядя лишь улыбнулся и сказал, что среди людей гораздо просторнее, чем у нас на родине» [Пехов 2012: 18].

Вопрос о свободе людей и эльфов был поднят еще в романах Дж. Р. Р. Толкина. Однако, как мы уже отмечали, в его интерпретации понимание свободы лишено ценностного аспекта. У А. Пехова же свобода людей ставится выше эльфийского уклада. Западные тексты лишены рефлексии о различии людей и эльфов.

Западноевропейское фэнтези, особенно подражающее романам Дж. Р. Р. Толкина, часто в центр ставит не человека, а «чужого». В частности, можно говорить об эльфоцентричности фэнтези толкиновской традиции [Тихомирова]. В русскоязычных текстах, напротив, в центре повествования всегда оказывается человек, а текст приобретает антропоцентрическое измерение. И. Головачева отмечает, что

образы нелюдей в фантастических текстах создаются с целью обновить «антропологическую систему координат» [Головачева 2012]. Именно герой-человек, а не Перворожденный, становится мерой всех вещей в русском фэнтези, что ведет к переоценке ценностей, заложенных в западном жанре.

ЛИТЕРАТУРА:

Головачева И. Опасные связи: человек и монстр в современной массовой литературе // Неприкосновенный запас. — 2012. — №6. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2012/6/g10.html> (дата обращения: 08.05.2015).

Паolini К. Эрагон. — М.: «РОМЭН-ПРЕСС», 2006. — 634 с.

Перумов Н. Странствия мага. Т. 2: Цикл «Хранитель Мечей». Книга 2. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. — 384 с.

Петрова Е. Лейна: фантастический роман. — М.: «Издательство Альфа-Книга», 2013. — 472 с.

Пехов А. Ловцы удачи: фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 409 с.

Пратчетт Т. Дамы и Господа: фантастический роман. — М.: «ЭКСМО», 2006. — 488 с.

Сапковский А. Последнее желание. Меч предназначения. — М.: «РОСМЕН-ПРЕСС», 2004. — 667 с.

Тихомирова Е. Альтернативная мифология для Англии, или Квест Профессора Толкина. — Режим доступа: <http://www.kulichki.com/tolkien/arhiv/manuscr/tihomir.shtml> (дата обращения: 08.05.2015).

Толкин Дж. Р. Р. Сильмариллион. Статьи и письма. — М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2005. — 590 с.

Успенский М. Белый хрен в конопляном поле. — М.: Изд-во Эксмо-Пресс, 2002. — 384 с.

Jones D. W. The Tough Guide to Fantasyland. — Penguin Group (USA) INC., 2006. — 234 p.

Shippey T. A. Light-elves, Dark-elves, and Others: Tolkien's Elvish Problem // Tolkien Studies. Volume 1. — West Virginia University Press, 2004. — pp. 1–14.

Данные об авторе

Хоруженко Татьяна Игоревна — ассистент кафедры фольклора и древней литературы филологического факультета ИГНИ УрФУ имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Адрес: г. Екатеринбург, пр. Ленина 51, к. 335.

E-mail: tkhoruzhenko@mail.ru

About the author

Horuzhenko Tatyana Igorevna is an assistant at the chair of the folklore and ancient literature of the Philology Department, UFU.